

Мелисса Виснер

ХОТЕЛА

БЫ Я

БЫТЬ

ЗДЕСЬ...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
В53

Печатается с разрешения
Grand Central Publishing, a division of Hachette Book Group,
Inc. New York, NY, USA.
All rights reserved.

Оформление обложки *Виктории Давлетбаевой*
Перевод с английского *Ольги Руденковой*

Виснер, Мелисса.

В53 Хотела бы я быть здесь... : [роман] / Мелисса
Виснер ; [пер. с англ. О. Руденковой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Уютные
романы о любви).

ISBN 978-5-17-172152-7

Кэтрин Липтон в свои двадцать восемь привыкла контроли-
ровать все вокруг. У нее идеально выглаженная юбка, в карманах
списки дел, а папки с документами разложены по цветам. Все идет
по плану, только вот... При приеме на работу мечты девушка выяс-
няет, что абсолютно все ее документы оказываются фальшивыми.
Кэтрин Липтон просто не существует...

Найти свою личность ей помогает швейцар Лука Морелли,
который скверно выполняет свои обязанности, периодически спит
под стойкой в холле... Но при этом очень обаятельный.

Кэтрин, принимая его помощь, понемногу выходит из зоны
комфорта, заводит новых друзей и даже нарушает закон.

Так начинается очаровательная романтическая история о поте-
ре и поиске себя. Во всех смыслах.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-172152-7

© 2024 by Melissa Wiesner
© Руденкова О., перевод, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается моей итальянской семье.

*В особенности бабушке Мэри,
которая за сто лет ни разу не отступила
от убеждения: перед выходом из дома
необходимо собирать распущенные волосы
и брать с собой немного еды.*

*А также моему дедушке Сальваторе;
он хоть и не угощал нас ирисками,
но наверняка делал бы это...
если бы бабушка Мэри позволяла ему
есть конфеты.*

ГЛАВА 1

Если бы я могла предвидеть катастрофу, ожидавшую меня при выходе из лифта, то непременно бы пошла по лестнице. Но, как назло, именно сегодня я решила избежать утомительного спуска с восьмого этажа, чтобы не предстать перед моим новым боссом в потной блузке и с растрепанной прической.

И вот теперь с ужасом наблюдаю, как по моим брюкам с высокой талией и узором «елочка» расползается предательское кофейное пятно.

— Нет! — Одной рукой пытаюсь удержать капающую термокружку с откинутой крышкой, а другой роюсь в сумке для ноутбука, чтобы достать мини-упаковку салфеток «Клинекс». Откуда-то из-за спины доносится бодрый ритм Build Me Up Buttercup*.

— Ох... черт, — раздается смущенный голос справа. — Прости, Кэтрин.

Мне даже не нужно поднимать глаза, чтобы понять, кто говорит. *Лука Морелли*. Ну естественно, во всем виноват он. И в этой жидкой мокко, заливающей мою ногу, и в том, что на прошлой неделе я споткнулась о велосипед в почтовой комнате, и даже в пропавших неделях ранее вещах из химчистки!

— Все в порядке...

Я сосредотачиваюсь на оттирании пятна, но все далеко не в порядке. Эти жалкие салфетки явно не рассчитаны на

* Песня поп-соул группы The Foundations, выпущенная в 1968 г.

такой масштаб бедствия. Они рассыпаются в руках, оставляя бумажные клочки на брюках.

— О нет.

Мне нельзя встречаться со своим новым боссом в таком виде.

— Стой! Ты делаешь только хуже.

Лука быстро обходит стойку администратора, наклоняется и достает из-под нее аккуратно сложенную тряпку и бутылку воды.

Я отчаянно взмахиваю руками с немым вопросом: «Куда уж хуже?»

Мгновение спустя Лука встает передо мной и протягивает тряпку.

— Попробуй это.

Я выбрасываю изорванную салфетку в мусорное ведро, а когда тянусь за кусочком ткани в его протянутой руке, взгляд невольно задерживается на ярких татуировках, покрывающих все его предплечье. По какой-то причине раньше я никогда не обращала на них внимания, и изящные узоры цветов и птиц становятся для меня неожиданным, но приятным сюрпризом. Должно быть, он закатал рукава своей черной униформы швейцара, когда делал... что бы он там ни делал... в тот момент, когда врезался в меня.

— Почему ты... — я машу рукой в сторону лифта, — танцевал джиттербаг посреди вестибюля?

Лука открывает бутылку с водой и берет меня за запястье, чтобы немного намочить тряпку. Рука у него теплая, а хватка — крепкая. Я заворуженно смотрю на татуировку: яркие крылья бабочки-монарха, приземлившейся на цветок эхинацеи. Насыщенные оттенки привлекают внимание, а когда Лука наклоняется ближе, я ощущаю странное, необъяснимое влечение к нему.

— Вообще-то это был каролина шэг, — говорит он, возвращая меня в реальность.

Почему я стою здесь и разглядываю его предплечья, а не еду в автобусе, находясь на полпути к университету? Я перевожу взгляд с его татуировок на лицо, находящееся всего в паре сантиметров от моего. Но сосредоточиться на его темных, пронзительных глазах и бронзовом оттенке кожи не получается. Словно очнувшись, я отступаю от Луки и снова пытаюсь очистить испачканные брюки, но мне удастся лишь убрать налипшие кусочки бумаги — кофейное пятно отказывается поддаваться усилиям.

— Миссис Гудвин была чемпионкой по каролина шэгу в Миртл-Бич в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году.

Лука кивает на седовласую чернокожую женщину, пританцовывающую в углу. Для своего преклонного возраста она двигается на удивление ловко.

— Здравствуй, милочка. Прости за брюки.

Пожилая леди машет мне рукой, а затем, поставив левую ортопедическую туфлю поверх правой, изящно кружится на потертом кафельном полу.

— Миссис Гудвин обучала меня движениям, и я не ожидал, что кто-то выйдет из лифта именно в этот момент. — Лука разводит руками, словно говоря: «Ну кто же знал, что так получится?»

Я оставляю попытки оттереть кофейное пятно и бросаю влажную тряпку в его раскрытую ладонь. Разочарование только возрастает. Когда я пришла в «ДеГреко» осмотреть свободную квартиру, по крайней мере еще три человека были в ней заинтересованы. Поэтому я знала, что мне очень повезло получить доступную по цене квартиру в тихом здании. Красивый и очаровательный швейцар показался мне огромным бонусом. После жизни в не самых благополучных районах дополнительная безопасность на входе была для меня важна. А если учитывать ту мимолетную вспышку влечения, когда мы с ним впервые встретились, возможно, это не единственная причина, по которой мне понравился

обаятельный швейцар. Но ирония в том, что рядом с Лукой я подвергаюсь гораздо большей опасности, чем когда он куда-то пропадает.

Я прижимаю ладонь к темному пятну на брюках и стараюсь испытывать благодарность хотя бы за то, что кофе не обжег ногу.

— Разумеется, — бормочу сквозь стиснутые зубы. — Кому из жильцов двенадцатиэтажного здания придет в голову спускаться на лифте в восемь утра?

— Ну, справедливости ради, лифт, вероятнее всего, сломан, потому что обычно над дверью загораются цифры, а на каждом этаже звенит звонок, сообщая о том, что кто-то едет. — Лука встряхивает тряпку, и я снова замечая, как мелькает яркая татуировка на его предплечье. — Нужно будет позвать Данте, чтобы он приехал и починил его.

— Сделай одолжение. — Я скрещиваю руки на груди. — И пока занимаешься этим, может, заодно освежишь в памяти принятые в этом здании правила и нормы? Уверена, там подробно прописан пункт: «Никаких танцев в вестибюле».

Честно говоря, я не уверена, что подобный пункт вообще упомянут в положении здания. И хотя Лука работает швейцаром гораздо дольше того месяца, что я живу здесь, не сомневаюсь, что он ни разу не читал правила и, вероятно, не станет перепроверять их сейчас. Судя по всему, он делает все, что ему заблагорассудится и когда заблагорассудится. Как правило, это сводится к постоянному общению с жильцами и скудному дежурству у дверей. Обычно я стараюсь игнорировать его вольную интерпретацию должностной инструкции, за исключением тех случаев, когда не могу.

Как сегодня.

— Черт, — бормочу я, снова глядя на пятно на брюках. Оно въелось намертво, и я не думаю, что есть какой-то способ спасти их.

Проверяю время на телефоне и чувствую, как сердце начинает биться быстрее. Я тщательно спланировала свое утро так, чтобы попасть на остановку за десять минут до запланированного прибытия пятьдесят четвертого автобуса, который доставил бы меня в кампус ровно за полчаса до завтрака с деканом математического факультета. Это дало бы мне пять минут на дорогу до кафе, пять минут на посещение уборной и двадцать минут на просмотр заметок перед встречей. А на случай, если что-то забуду, — что совершенно исключено — я распечатала расписание и положила его в передний карман сумки вместе со списком дел на сегодня.

Быстро прикидываю в уме варианты решения проблемы. Успею ли я подняться на лифте, переодеться в чистые брюки и вовремя добраться до автобуса?

У меня перехватывает дыхание. А есть ли у меня вообще другие чистые брюки? Мою одежду, которую, по словам работников химчистки, оставили швейцару — то есть Луке, — так и не нашли. До начала моей новой работы еще несколько недель, и я наивно полагала, что успею купить новые вещи. Однако если не разберусь с этим в ближайшие три минуты, то опоздаю на автобус.

Я делаю глубокий вдох. У меня пока нет машины. И я надеялась, что смогу позволить себе взять ее в кредит после того, как получу несколько зарплат на новой работе — той, на которую я сейчас опаздываю.

Судорожно ищу в телефоне приложение для заказа такси.

Но проблема с брюками по-прежнему не решена.

Дрожащими руками закрываю крышкой наполовину пустую термокружку кофе и сую ее Луке.

— Подержи, пожалуйста.

С этими словами бегу к лифту и яростно нажимаю на кнопку снова и снова, как будто это как-то ускорит его прибытие. Я смотрю наверх. Но панель, на которой обычно отображается номер этажа, остается темной.

— В чем дело?

— Видишь? — говорит Лука, небрежно отпивая мой кофе. — Он сломан.

Паника сдавливает мое горло.

— Но он же придет, правда?

Лука пожимает плечами:

— Наверное. Но в последнее время он немного барахлит. Мне определенно нужно позвонить Данте.

— Этого не может быть.

К своему великому стыду, я чувствую, что теряю контроль над собой, и мой голос срывается.

— Эй. — Ухмылка Луки исчезает, и он ставит мою кружку с кофе на стойку. — С тобой все в порядке?

Напряжение сковывает спину.

— Нет, не в порядке. — Я с силой бью по кнопке лифта. — Мне нужна другая пара брюк, но их у меня нет, потому что мои вещи из химчистки бесследно исчезли. — Еще один удар. — Потом я должна успеть на автобус, который будет на остановке уже через две с половиной минуты. — Удар, удар. — Иначе я опоздаю на встречу со своим новым боссом. А я... — Мой голос дрожит от нехарактерных истеричных ноток. — Никогда. — Удар. — Не опаздываю.

В этот самый момент гармоничное звучание Build Me Up Buttercup стихает, уступая место песни You Can't Hurry Love группы The Supremes.

Мои плечи опускаются. Для верности еще раз сильно жму ладонью на кнопку и усаживаюсь на скамейку рядом с лифтом.

— Я ни за что не успею почистить эти брюки вовремя, чтобы встретиться с боссом в девять, а другой пары у меня нет. Придется переносить встречу. — По спине стекает струйка пота, и, когда я поднимаю руку, чтобы стереть ее, чувствую, что мои длинные светлые локоны начинают пу-

шиться. — Я буду выглядеть в его глазах разгильдяйкой, но не знаю, что еще делать.

— Послушай, Кэтрин. — Лука проводит рукой по темным волосам. — Не будешь ты выглядеть разгильдяйкой. Такое случается. Тебя поймут.

Я прижимаю пальцы к вискам.

— Со мной такого не случается.

Теперь уже нет. Не после того, как я усердно трудилась, чтобы получать только отличные оценки в старшей школе, добиться полной стипендии в колледже и наконец взять свою жизнь под контроль. В прошлом я часто опаздывала, пропускала важные события и жила с обещаниями «в следующий раз мы не забудем оплатить счета, купить тебе школьные принадлежности, забрать продукты». Но за последние двенадцать лет я посетила каждое занятие в бакалавриате и магистратуре, одновременно работая лаборантом и тщательно планируя свое расписание так, чтобы всегда приходить вовремя. И сейчас, с этой новой работой, все мои усилия должны были наконец окупиться.

— Я сделала все возможное, чтобы получить эту должность преподавателя с перспективой постоянного контракта, и не могу позволить себе выглядеть ненадежной — особенно в самом начале.

Разносятся звуки бубна и фортепианного соло The Supremes, но миссис Гудвин внезапно прекращает танец, пересекает вестибюль и встает рядом с Лукой. На ее и без того морщинистом лбу проступает тень сочувствия.

— Все будет хорошо, милочка.

Лука бросает взгляд на пожилую женщину.

— Миссис Гудвин. — Он берет ее за руку. — Не могли бы вы снять свои брюки?

Я удивленно вскидываю брови:

— Прошу прощения?

Он что, и правда только что попросил восьмидесятилетнюю женщину раздеться? Прямо здесь, в вестибюле? Я уверена, в своде правил и положений здания найдется что-нибудь и на этот счет.

Но вместо того, чтобы в шоке отпрянуть, миссис Гудвин кивает:

— Отличная идея, молодой человек. Думаю, у нас с Кэтрин примерно один размер.

Мой взгляд опускается на ноги миссис Гудвин. На ней простые, практичные черные брюки.

— Я...

Какая нелепая идея. Но других, получше, у меня нет. И похоже, у нее и правда тот же самый размер, что и у меня. Я не буду выглядеть сногшибательно, но сейчас не время быть модницей.

— Вы уверены? — спрашиваю я.

Лука спешит к противоположной стене и распахивает дверь в кладовку.

— Можете переодеться здесь.

Когда мы с миссис Гудвин оказываемся внутри, я сразу проскальзываю за стеллаж, сбрасываю туфли и расстегиваю пояс.

— Спасибо, что делаете это, — говорю поверх отбеливающих растворов и других чистящих средств. — Это очень важная встреча.

Я снимаю брюки и уже собираюсь передать их через полку, как вдруг за моей спиной раздается голос, и звучит он гораздо ближе, чем я ожидала:

— Боже мой, милочка!

Я невольно вздрагиваю и оборачиваюсь.

Миссис Гудвин стоит с моей стороны полки в бледно-розовых бабушкиных трусах, в одной руке держа свои черные брюки, а другой указывая на меня.

— Что случилось с твоим бельем? Где все остальное?

Я машинально завожу руку назад и хлопаю себя по заднице. Ох.

— Это... стринги... — бормочу я, и мои щеки пылают от неловкости.

— Больше похоже на зубную нить. Вчера вечером я использовала нечто подобное, чтобы вытащить из зубов шпинат.

— Нет, это... просто один из видов нижнего белья, — запинаясь, отвечаю я. В стрингах нет ничего непристойного, но, когда восьмидесятилетняя женщина расспрашивает меня о них, я чувствую себя так, будто меня поймали за работой экзотической танцовщицей. — Я не хотела, чтобы под брюками были видны швы.

Миссис Гудвин поднимает серебристую бровь.

— Ты, кажется, сказала, что встречаешься со своим боссом. Он что, собирается смотреть на твою задницу? Что это за работа такая?

— Нет. — Схватив ее черные брюки, я быстро просовываю в них одну ногу, затем другую. — Нет, конечно нет. Я математик. — Натягиваю брюки на бедра. — *Никто* не будет смотреть на мою задницу. Это было бы совершенно неуместно.

Я вспоминаю сдержанных, тихих профессоров, которых встретила во время собеседований на должность преподавателя. Кафедра показалась мне оазисом спокойствия, где нет места хаосу и драме — лишь преданные своему делу ученые, погруженные в исследования и обучение новых поколений. А поскольку я больше всего ценю порядок и избегаю конфликтов, то, думаю, непременно найду там свое место. Поэтому мне особенно странно осознавать, что в первый же рабочий день я оказалась в кладовке и подвиргалась допросу о моем нижнем белье.

— Я приступаю к новой работе. — На мгновение замираю, размышляя, почему чувствую необходимость

оправдываться перед миссис Гудвин. Но ведь именно она одолжила мне брюки. — Поэтому хотела выглядеть достойно и собранно, чтобы произвести хорошее впечатление.

Миссис Гудвин искоса смотрит на меня.

— И ты думала, что произведешь хорошее впечатление, выставив напоказ сексуальное нижнее белье?

Я прикрываю глаза. Она определенно считает меня экзотической танцовщицей.

— Нет. Сегодня никто не увидит мое нижнее белье. — Как только слова слетают с губ, я понимаю, что это не совсем точное утверждение. — В том смысле, что *больше* никто сегодня не увидит мое нижнее белье... Вы единственная.

Я вздыхаю, качая головой.

Просто сдайся. Пусть думает, что я экзотическая танцовщица. Не вижу в этой работе ничего плохого. Уверена, она приносит хороший доход. Во времена моего детства папа водил дружбу с несколькими танцорами бурлеска, и все они были очень добры ко мне.

К счастью, брюки миссис Гудвин сидят идеально, и я смело передаю ей свою пару, испачканную кофе. Когда мы обе полностью одеты, я распахиваю дверь кладовки, но не успеваю выйти — миссис Гудвин касается моей руки.

— Я просто подшучивала над тобой насчет стрингов, милая. Хотела помочь немного расслабиться. Не воспринимай все так всерьез.

С этими словами она подмигивает и проходит мимо меня в вестибюль. Я же замираю в дверях, прокручивая в голове хорошо знакомую фразу. «Не воспринимай все так всерьез». Я слышу это практически всю свою жизнь: «Все будет хорошо», «Не парься», «Правила созданы, чтобы их нарушать».

К счастью, от мыслей меня отвлекает шум на другом конце вестибюля. Лука стоит за стойкой администратора и отбивает пальцами классическую ритм-н-блюз песню,

которую врубил прямо на телефоне. Он вовсю подпевает ей, ничуть не заботясь о том, что его голос звучит ужасно, или о том, что мы с миссис Гудвин только что вошли и стали свидетелями его не слишком удачной попытки добиться гармонии. Более того, при виде нас он начинает петь еще громче. Затем обходит стойку, хватая миссис Гудвин за руку и прижимает к себе, закружив ее в танце. Должна признать, для такого высокого парня он двигается на удивление грациозно. Разумеется, это не касается тех моментов, когда он врезается в меня и проливает мой кофе. Как и в случае с татуировками, я задаюсь вопросом, почему вообще обращаю внимание на рост Луки. Однако этот факт весьма проблематично игнорировать, когда он направляется в мою сторону на своих длинных конечностях и с протянутой рукой. Я качаю головой и медленно отступаю.

Танцы? Нет, это больше не для меня. По крайней мере, не под пристальными взглядами. Не могу даже представить, как можно быть настолько раскованным, чтобы вот так, без стеснения, танцевать в вестибюле, излучая легкость и беззаботность.

Просто расслабиться и не воспринимать все всерьез.

«У меня нет никакого желания делать это», — напоминаю себе.

Возможно, мне стоило просто посмеяться над пятном на брюках и появиться на встрече в таком виде, будто я только что сражалась с кофемашиной «Кёрриг». Но какое впечатление это произвело бы на моего нового босса? Он, конечно, притворился бы, что ничего не заметил, но этот случай преследовал бы меня в дальнейшем. Каждый раз, когда бы он выбирал преподавателей в комитет или рассматривал мою кандидатуру на повышение, это всплывало бы в его памяти. Люди никогда не забывают чужие промахи.

Лука останавливается передо мной, опускает глаза к моим ногам, а затем возвращается к лицу. И по какой-то

необъяснимой причине я чувствую, как вслед за его нетопливым взглядом пробегает жар.

— Тебе очень идут брюки миссис Гудвин. — Его губы растягиваются в улыбке, а в уголках темных глаз появляются лукавые морщинки. — И совсем не видно... э-э-э... швов.

Значит, он подслушал наш с миссис Гудвин разговор в кладовке. Теперь мне придется каждый день проходить мимо стойки, гадая, думает ли швейцар о моем нижнем белье. Впрочем, не то чтобы Лука проводил много времени на рабочем месте. Обычно его нигде не найти — особенно когда мне нужно забрать свои посылки или сообщить о технической неисправности.

«Или когда привозят вещи из химчистки», — вспоминаю я, разглаживая складку на позаимствованных брюках.

И словно намеренно подтверждая мою правоту, Лука указывает на тротуар снаружи.

— Пошли, моя машина у входа. Я тебя подвезу.

Я моргаю, ошеломленно глядя на него.

— Это не обязательно. Я поеду на автобусе.

— Пятьдесят четвертый только что проехал мимо.

Черт.

— Тогда вызову себе такси.

— Да ладно тебе, Кэтрин. Это моя вина, что ты оказалась в такой ситуации. Ты говорила, что встреча назначена на девять, да? Я успею привезти тебя вовремя. — Лука широко разводит руки с раскрытыми ладонями, словно показывая, что безобиден.

Я вспоминаю его пальцы на запястье и странное желание провести рукой по вытатуированным крыльям бабочки. «Безобидный» — последнее слово, которое я бы использовала для описания Луки, и не только из-за пролитого кофе.

Достаю телефон и проверяю приложение для вызова такси. Ближайший водитель находится в двенадцати мину-